

ЦЕНТРЫ И ШКОЛЫ СЛАВИСТИКИ И РУСИСТИКИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «AB IMPERIO»

Журнал «Ab Imperio» посвящен междисциплинарному и компаративистскому изучению истории империи, национальностей и национальных движений на постсоветском пространстве. Он выходит 4 раза в год в бумажной и электронной версиях в Казани (за 7 лет, с 2000 до 2008 г., вышло 30 номеров). Материалы публикуются на английском или русском языке, с резюме на языке, отличном от языка публикации статьи. Материалы для публикации принимаются на пяти языках (русском, английском, немецком, французском и украинском). Ab Imperio строго придерживается тематического принципа формирования номеров. Журнал распространяется бесплатно среди более 100 университетских и научных библиотек в России и стран СНГ. Всего журнал получают в 35 странах мира, наши авторы представляют два десятка стран, прежде всего, Россию, Украину, Беларусь, Литву, Молдову, США, Канаду, Японию, Германию, Францию, Великобританию, Финляндию, Польшу, Турцию.

Ab Imperio является реферируемым журналом. Все присланные материалы проходят через анонимное рецензирование. Миссией журнала является: внедрение новейших достижений в изучении истории и теории национализма в академическую среду бывшего СССР; создание условий для обсуждения истории и теории национальностей (включая русскую) бывшего советского региона для исследователей из разных стран мира; создание органа через который отечественные исследователи могли бы общаться с международной аудиторией; участие в процессе формирования новых профессиональных стандартов социальных и гуманитарных наук, в реформировании высшего образования в сфере социальных и гуманитарных наук. Журнал вводит новые форматы рецензирования академической литературы и внедряет новые стандарты качественной экспертизы, публикуя рецензионные форумы и расширенные рецензионные статьи. В этом случае предпочтение отдается исследователям из СНГ, желающим отрецензировать книги западных авторов, и западным исследователям, желающим отрецензировать русскоязычную литературу.

История пишется о том, что осталось в прошлом, поэтому странно рассуждать об истории Ab Imperio — продолжающегося исследовательского проекта и международного профессионального форума. С другой стороны, стоит вспомнить о генезисе проекта, вступающего в девятый год своего существования, чтобы яснее стало, насколько далеко от первоначального замысла он ушел в результате взаимодействия авторов и редакторов.

Идея нового профессионального исторического журнала возникла еще в 1998 г., когда стало окончательно ясно, что основные российские исторические журналы — «Вопросы истории» и «Отечественная история» — неререформируемы. В известной степени, они отражают

Русскоязычный вариант статьи предоставлен редакцией *Ab Imperio* специально для «Российских и славянских исследований». Впервые текст опубликован на украинском языке в журнале «Ukraina Moderna» (Киев—Львов). 2007. № 12.

состояние исторической профессии в России, так что не вина редакции, если эта профессия — институционально и интеллектуально — глубоко склеротична (что особенно противопоставлено науке о прошлом). В конце 1990-х гг. абсолютным лидером гуманитарной журналистики в России было московское «НЛО» (Новое литературное обозрение), собиравшее вокруг себя наиболее динамичные интеллектуальные силы и привлекавшее к сотрудничеству российскую научную диаспору (конечно же, несравнимо менее укорененную и влиятельную, чем украинская, но также выполнявшую важную модернизаторскую функцию на родине). Журнал и одноименное издательство располагали достаточно солидной инфраструктурой, поэтому неудивительно, что проект нового исторического журнала предполагал развитие уже имеющегося потенциала НЛО. Осенью 1998 г. в Нью-Йорке мы предложили хозяйке гуманитарного холдинга, Ирине Прохоровой, проект «франчайза»: журнал «Новое историческое обозрение» (НИО), построенный на принципах, близких тем, что позже легли в основу *Ab Imperio* (международный ежеквартальник, тематические номера и пр.). Мы предлагали идею, творческую работу и менеджмент, ожидая в ответ помощь в логистике и распространении нового журнала. В принципе, проект бил в десятку: в это время НЛО активно осуществляло экспансию в смежные области гуманитарного знания (история, антропология), мы могли бы институционализировать этот процесс и профессионально организовать его. Наше предложение было, в общем, принято, но оговорено одним условием: редакция должна была располагаться в Москве, «сердце нашей родины», и под непосредственным контролем НЛО. Это условие нас категорически не устроило, и проект не состоялся.

Год спустя, в конце 1999 г., был основан журнал *Ab Imperio*. Это был утопический проект во многих смыслах. Его начали исследователи без какой бы то ни было административной или организационной поддержки, без имени в профессии; он был уникален по своей концепции (уточняющейся по ходу развития проекта) и формату; он изначально претендовал на то, чтобы служить общей площадкой для экспертов по региону бывшего СССР, предъявляя абсолютно одинаковые требования к представителям различных академических традиций и вырабатывая общий научный язык. Изначальная идея выпускать российский аналог *Nationalities Papers* принадлежала Алле Зейде; название журнала предложил Сергей Глебов. Оставалось только разработать формат, собрать материалы и получить хоть какое-то финансирование — общеизвестно, что под научные периодические издания гранты никто, нигде и никогда не дает...

Первый номер вышел в июне 2000 г. — установив своеобразный график выхода журнала, дополнительно обусловленный специфическим рабочим календарем российских полиграфических предприятий (невозможно напечатать до конца января заказ, сланный в конце ноября). Как говорится, *the rest is history...* Журнал выходит в Казани, на Средней Волге, в 700 км от Москвы, его издают пять редакторов, находящихся обычно в 3–4 разных странах. Половина тиража рассылается бесплатно по научным и университетским библиотекам бывшего СССР — от Сахалина до Львова, от Архангельска до Астаны, половина распространяется по подписке в 34 странах. Мы печатаем статьи после предварительного внешнего рецензирования, либо на русском, либо на английском, принимая материалы кроме этих двух языков на украинском, немецком и французском. Из-за строго тематического принципа комплектации номеров и жесткой схемы постоянных рубрик, номера получаются толстые, в среднем около 600 страниц. Это очень накладно и требует огромных усилий при работе над номером, но *noblesse oblige*: первая рубрика, «Методология и теория», отведена текстам, которые предлагают некую новую исследовательскую оптику (при этом вовсе не обязательно, что это концептуальные тексты гуру или откровения корифеев: главное — не статус, а новизна подхода). Понятно, что публикуя один-единственный текст в рубрике, мы как бы говорим: вот как надо подходить к проблеме. Когда же публикуется хотя бы 2–3 очень разных по методу материала, задается объем исследовательского поиска (у проблемы есть вот такой аспект, а есть и такой...). Ключевая для нас, историков, рубрика «История» часто отводится тематическому форуму. И тут исследователь-

ская и институциональная логика также заставляют наращивать объем публикации. Если речь идет, допустим, об исламе в Закавказье или на Средней Волге — можно ли обойтись без перспективы местных исследователей? Мы, все же, российский журнал, нам интересно состояние изучения проблемы российской и постсоветской наукой — поэтому обязательно будем искать российский или среднеазиатский материал. Но можно ли говорить об исламе без участия немецких исламоведов, одной из наиболее мощных научных школ? Очень интересные исследования проводятся в США, поэтому желательно найти и американскую статью. Есть школа исламоведов во Франции, со своими традициями и подходами... Вот так увеличивается и объем журнала, и объемность взгляда на проблему...

Можно разглядеть в проекте Ab Imperio «три источника — три составные части»: во-первых, это традиция российского «толстого журнала». Как уже говорилось, журнал действительно «толстый», в нем поддерживается постоянная структура рубрик (только вместо публицистики — поэзии — прозы это различные обществоведческие дисциплины). Кроме того, хотя журнал нельзя в полной мере назвать «направленным» (как положено настоящему российскому толстому журналу), у него безусловно есть определенная политическая физиономия. Трудно четко сформулировать политическую платформу Ab Imperio, но, наверное, она ближе всего позиции частного лица — интеллектуала, отдающего приоритет правам человека перед любыми притязаниями политической группы. Понятно, что концепция «прав человека» внутренне противоречива и ситуативна — о чем и пишет журнал (право на религию и культуру может ущемлять права женщины, а право на защиту и безопасность — право на свободу). Однако журнал в целом в равной степени критичен по отношению к имперским претензиям на гегемонию и националистическим проектам политической эксклюзивности и этнических чисток. К счастью, нам не нужно принимать политических решений и мы можем позволить себе роскошь неангажированного критического анализа, направленного на выявление сложности и противоречивости общественной жизни, а не на ее упорядочивание.

Второй архетип, заложенный в проекте Ab Imperio, — традиция самиздата. Это касается как институционализации журнала, так и схемы распространения и подбора авторов. Журнал был создан и издается усилиями частных лиц — исследователями-соредакторами, и не зависит от того или иного министерства или издательства. В первое время журнал рассылался конкретным лицам — мы считали, что посылать сразу в библиотеки неизвестный журнал бесполезно, и до сих пор добавляем новую библиотеку в список рассылки только после того, как получаем конкретный запрос и понимаем, что у журнала уже есть готовая аудитория в данном городе. Мы рассчитываем на сеть наших авторов, когда ищем рецензента для поступившей статьи или участников для очередной инициативы журнала.

Наконец, — и самое главное — Ab Imperio является профессиональным научным журналом западного типа. Собственно «западность» сводится к его «невосточности»: мы не публикуем материалы по блату, по звонку и за деньги, а только в результате внешнего анонимного рецензирования и большой редакторской работы с автором. Речь идет об очевидных и универсальных принципах, которые в современной гуманитарной среде в России просто не известны (чего не скажешь о естественных науках). Мы также отличаемся от типа профессионального журнала научной ассоциации или общества (вроде *Slavic Review* или *American Historical Review*), которые обязаны публиковать статьи своих членов, прошедших формальную экспертизу 2—5 рецензентов. Лишняя рецензия никогда не помешает, но для этих журналов это единственный критерий отбора статьи. До последнего времени *SR* печатал под одной обложкой статьи филологов, историков, политологов — вперемежку, вне всякой внутренней логики. Это и понятно: членами AAASS состоят представители самых разных дисциплин, занимающихся не только бывшим СССР, но и Венгрией и Югославией. Именно кризис жанра универсального ежеквартальника подсказал нам идею необходимости жесткой структурной и тематической организации номеров. Мы видим, как предложенные нами форматы (тематические но-

мера, международные форумы, интервью — нечто совершенно чуждое прежде американской научной журналистике) осваиваются коллегами — и журналы их становятся интереснее читать.

Впрочем, у тематического принципа *AI* есть и более важная функция, чем журналистская и маркетинговая инновация. *AI* — коллективный научный проект, заочный think tank, проводящий с каждым тематическим номером международную научную конференцию (экономя на расходах на проживание и проезд). Напомним, что первоначально мы предполагали заняться трансфером дисциплины *nationalities studies* на местную научную почву — не слишком оригинальная, но понятная и благодатная работа «компрадоров», которой успешно занимаются многие наши коллеги. Очень скоро стало понятно, что писать современную историю как «национальную» историю невозможно: как вычленишь неизменное «национальное тело» в донациональной или вненациональной политике? Стало ясно, что «эксцессы» постсоветских историографий начала 90-х гг., выводящих «русских» от этрусков и писавших главы вузовских учебников под названием «Татарстан в эпоху палеолита» объясняются отнюдь не только неконтролируемым националистическим энтузиазмом авторов. Мы столкнулись с общим кризисом дисциплины, «прежде известной как “русистика”». С распадом СССР исчезла естественная, нерелевантная «исследовательская рамка», которая позволяла совмещать локальную и глобальную перспективу. Особенно большие проблемы возникли у западных коллег: у них просто исчез предмет исследования, название дисциплины, а, соответственно, возможность привлекать студентов на курс, писать проходные грантовые заявки, да просто сохранять престиж профессии.

Чем они занимаются? Историей СССР? Его нет, какова актуальность изучения давно распавшегося государства? Russian History? Кто такие «русские» (и что делать со всеми остальными)? История Евразии? Но почему тогда она посвящена в основном Восточной Европе, игнорируя Индию и Китай? Slavic Studies? А что делать с тюрками и евреями? В более выгодном положении оказалась украинистика, благодаря подвижнической работе диаспорных исследователей в прошлые десятилетия и наплыву первоклассных специалистов с Украины, но и это направление не может полностью занять былую нишу и решить принципиальные методологические проблемы.

Современные историки показывают, что «украинскость» («татарскость», но даже и «еврейскость», тем более «русскость») в течение столетий являлась динамичной открытой системой, чьи границы и параметры зависели как от внутренних, так и от внешних факторов. Помимо бинарных отношений «империя—народ» (центральная власть — регион), не меньшую роль играли «горизонтальные» связи, внутренняя неоднородность национальных элит (а тем более широких масс), логика ситуации. Игнорирование широкого контекста и приводит к историям о вечном богоизбранном народе, пронесшем мечту о полной независимости через века иноземного гнета и наконец реализовавшего государственность на своей исторической территории. (Этому историческому нарративу, построенному по всем правилам европейского романтического канона XIX в., мы обязаны кошмаром этнических чисток XX в. не в меньшей степени, чем любимым политическим доктринам.) Какова же альтернатива местечковой самоизолированной национальной перспективе?

В свое время Андреас Каппелер использовал концепт «многонародного государства». Ясно, что речь идет о неких самоочевидных «народах», которые первичны по отношению к общему социально-политическому пространству. Как показали попытки развивать эту исследовательскую парадигму, не решая проблем «нации-экссклюзивного» подхода, она лишь механистически сводит изолированные «национальные истории» вместе, что не позволяет понять динамику исторического процесса (помимо телеологического становления и эмансипации отдельных наций). Другой вариант — вычленение региона и попытка рассмотрения всех процессов, проходивших на определенном пространстве. В краткосрочной перспективе это вполне продуктивный подход, позволяющий изучать ситуацию контакта и взаимодействия. Однако символическая география (вероятно, вообще география) — это ментальный конструкт. Как показано исследователями, не

только «Восточная Европа», но и «Сибирь» (и даже «Украина») являлись подвижными и аморфными категориями. Где провести границу исследовательской рамки? Как ее обосновать? Нерелевантное же использование категорий вроде «Восточная Европа» или «Евразия» приводит к онтологизации культурных стереотипов и мифологий, приписыванию произвольно очерченной территории неких имманентных свойств или исторической телеологии.

Одним словом, к концу 1990-х гг. дисциплина, прежде известная как «История России», «славистика», «русистика» была в системном кризисе, по обе стороны Атлантики — что не мешало появлению совершенно замечательных исследований. В этой ситуации, не имея никакого собственного готового рецепта, мы предложили вернуться к основным историческим объясняющим метанаративам («модернизация»; «границы»; «историческая память»; «языки самоописания»; «антропология группности»; «социология знания»), чтобы понять, насколько приложимы они к современным задачам исторического описания пространства Российской империи/СССР. Единственным исходным посылом был тезис о принципиальной гетерогенности этого социального пространства и потому бессмысленности внеконтекстуального использования основных категорий и терминов («дворянства», «крестьянства», «администрации», «просвещения» и т. п.). Так, в 2002 г. появился формат общей темы года, расписанной в виде программы четырех тематических номеров, раскрывающих различные ее аспекты. Это процесс направленного поиска, в который были вовлечены сотни лучших исследователей из десятков стран, действительно привел к появлению «нового знания», существенно корректирующего наши исходные представления. Промежуточным результатом этой работы стало издание сборника статей «Новая имперская история постсоветского пространства» и осмысление самого этого концепта.

Впоследствии некоторые коллеги поспешили «творчески апроприировать» эту идею, переименовав в «новую историю империи» — как более благозвучную и менее империалистически звучащую. Проблема же в том, что это переименование эссенциализирует некую «империю» (которая и должна очертить рамки исследовательской парадигмы), рассматривая ее как реальный объект, «вещь». Наш подход диаметрально иной. Удивительным образом, но торжество конструктивистского подхода к «нации», который признается большинством исследователей «конструктом», «воображаемом сообществом» никак не коснулось «истории империй». По-прежнему делаются попытки создать «теорию империи», вычислить некий цикл ее развития (упадка и возрождения), выявить имманентно присущие империи черты. Даже такой последовательный конструктивист как Фредерик Купер, призвавший отказаться от категорий «модерности» и «идентичности», не смог сохранить свой критический подход, когда заговорил об империи (см: *Cooper Frederick. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005, p. 160—161 и passim*).

Происходит логическая подмена: сначала, на основании неких общих критериев (протяженность, авторитаризм, милитаризм, экспансионизм) государство начинают характеризовать как «империю», а потом, в результате фронтального и неизбежно поверхностного компаративного анализа «дистиллируют» присущие «всем империям» черты — те самые, что были изначально заложены в процессе классификации. Ибо лишь несколько европейских государств официально называли себя этим словом, заимствованным из латыни, остальных зачисляли в империю постфактум; но даже в Европе — что общего между Священной Римской империей германской нации и Второй французской колониальной империей? Помимо эвристической бесплодности этой аналитической процедуры, остается неясным, чем эта «империя» отличается от национального государства, управляемого авторитарным милитаристским режимом?

Мы предлагаем изучать в рамках Новой имперской истории не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему «имперской ситуации». «Имперская ситуация» может быть обнаружена в России до провозглашения ее империей в 1721 г. и после распада СССР — но и в таком нормативном современном обществе и идеальном

нации-государстве, как Франция. «Имперская ситуация» характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым «обменным курсом» статуса — в то время как идеальная модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества. Если выпускники университета — православный и иудей — имеют разные шансы дальнейшей карьеры, это признак наличия «имперской ситуации» — но это же можно сказать и о ситуации, когда представитель этнического меньшинства получает преимущества в рамках политики affirmative action в современной Америке.

Проблема не в самом неравенстве, которое никак не может считаться эксклюзивным свойством имперских обществ, а в том, что не существует однозначной и универсальной «шкалы». Тот же самый еврей в Одессе, Москве, Харбине и Ташкенте будет принадлежать к совершенно разным социальным группам, с разным статусом и социальными правами. Имперская ситуация характеризуется тем, что сословие, конфессия, язык, класс, экономическое положение, образование, сфера занятости — выступают в роли самостоятельных и часто равнозначных элементов, из которых можно «выстраивать» совершенно разные комбинации. Тем, что отсутствуют универсальные, действующие во всех уголках государства правила и даже законодательство. «Имперское общество» состоит из регионов и краев, каждый на особом положении, оно анализируется в категориях частных «вопросов» («украинского», «польского», «еврейского» и пр.), каждая принимаемая рациональная мера немедленно вызывает совершенно неожиданные последствия.

«Новая имперская история» — это не история конкретного региона или политики, это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества. В принципе, занимаясь историей татарского национального движения, нельзя абстрагироваться от того, что происходило на Украине, хотя речь идет о совершенно разных уголках страны. Потому что ротация администраторов приводила к обмену локальным опытом управления и решения проблем, потому что существовали структурно схожие ситуации — в которых вовлеченные стороны вели себя очень по-разному, потому что фундаментально дискретное имперское пространство было при этом единым полем социального и политического действия.

В Российской империи до самого конца не было единой «национальной политики» — но было единое пространство принятия социальных и политических решений. Как уже не раз было указано многими исследователями, антипольские репрессии приводили, пусть и временно, к стимулированию украинского или литовского национального движения. Имперский режим с большим трудом удерживал состояние неустойчивого равновесия, сохраняя баланс сил и оплачивая репрессии по отношению к одной социальной группе привилегиями по отношению к другой. Не надо заниматься «историей Российского государства», чтобы учитывать механику имперской ситуации, позволяющую лучше понимать и видеть, как устроено сложное («имперское») общество.

Ab Imperio — на латыни — «от империи». Журнал призывает авторов и читателей дистанцироваться и от империи, и от нации, рассматривая оба понятия как идеальные типы, концепты. Только при помощи этих двух осей координат реальность можно сколько-нибудь аккуратно описать историческую ситуацию. Игнорирование «нации» сразу делает анализ одномерным, как и игнорирование «имперскости», которая может проявиться в самом неожиданном месте. Условно говоря, нация — это относительно гомогенное пространство универсальных прав, обязанностей, культуры и языка. Империя — принципиально гетерогенное пространство. Реальность всегда находится между этими двумя полюсами, но ближе к одному или другому, и эта оппозиция позволяет нам описывать историческую динамику более аккуратно.

Редакция «**Ab Imperio**»